

К. К. Морозов, Ю. И. Чайкина

Рукописные материалы Белозерья XV—XVIII вв.

в Череповецком краеведческом музее

Основная масса рукописных источников, относимых к Белозерью, хранится в архивах Москвы и Ленинграда ¹. Некоторая часть их находится в Череповецком краеведческом музее. Материалы музея в какой-то степени исследовались историками ², но не привлекали внимания лингвистов.

Наиболее значительным в музее является собрание рукописей церковно-канонического содержания. Хорошо сохранился древнейший памятник собрания — Псалтырь 1408 г. (ф. 361/373) и многочисленные минеи: минея на сентябрь месяц, нач. XVI в. (ф. Р 1418[6]), минея на июнь месяц, нач. XVI в. (ф. Р 1418[7]), минея на май месяц, нач. XVI в. (ф. Р 649 [3]), минея на январь месяц, XVII в. (ф. кн. рук. 9 № 77), минея на декабрь месяц, XVII в. (ф. кн. рук. 9 № 74) и др. Заслуживают упоминания Шестоднев, XVI в. (ф. Р 1418 [14]), Часословец, XVI в. (ф. Р 649 [3]), Житие Кирилла Новозер-

¹ ГПБ, ф. 351: синодики, книги кормовые, келарские, вытные, приходо-расходные, вкладные Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей XVI—XVII вв.

ЛОИИ, ф. 260 (коллекция Н. К. Никольского): купчие, грамоты, челобитные, памяти, сказки Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв.; ЛОИИ, ф. 115; приходо-расходные книги Кирилло-Новозерского монастыря, книги приходные Горичного монастыря, книги отписные Никитского монастыря, приходо-расходные книги Нилово-Сорского скита, книги отписные Ферапонтова монастыря и мн. др.; ЛОИИ, ф. 194 (Белозерская воеводская изба): 40 картонов, в каждом от 80 до 100 единиц хранения.

ГИМ, ф. 450: книги вкладные, синодики, земельные документы Воскресенского Череповецкого монастыря.

² См., напр.: А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951.

ского, 1649 г. (ф. Р 361 [345]), Извѣстiе о рожденiи и воспитанiи и житiи свѣтѣйшаго Никона патрiарха, XVII в. (ф. 361/51, № 38). Имеются и другие памятники житийной литературы. В собранiи большое количество евангелий, значителен круг старообрядческой литературы — таково, например, «Спасово око», конец XVII в., имеются рукописи с крюковыми нотами (XVII в.). Ждут исследователей старопечатные книги музея. Кроме памятников канонического характера, в фондах музея хранятся источники, отражающие русскую народно-разговорную речь XVII—XVIII вв. Обратимся вначале к рукописным книгам.

Для лингвистов, занимающихся топонимией и ономастикой, небезынтересно собранiе синодиков. Наиболее ранняя из книг — синодик Филиппо-Ирапского монастыря XVII—XVIII вв. (Р 361/51, № 17) — состоит из 162 листов, в ней последовательно проставлены ударения. На страницах синодика получила отражение топонимика западной части Белозерского уезда и Обонежской пятины: род села Ямышева попа Михаила Епимахова Засудския кулиги Судской станъ; род Чаранской округи (л. 46); род Чудские кулиги деревни Михайлова (л. 78); род Понизовской волости деревни Громошихи (л. 79) и т. д. Отметим вариативность в топонимических обозначениях: род Петушской кулиги деревни Смердяча (л. 96), род с Петуха деревни Низа (л. 101) и т. д.

Имеется несколько синодиков Кирилло-Новозерского монастыря. Один из них от XVIII в. в двух частях. Первая часть (ф. Р 361/51, № 88) — 243 листа, часть вторая (ф. Р 361/51, № 57) — 344 листа. В первой части перечисляются «роды боярские, дворянские, дьячьи, игуменские, слуги новозерского монастыря», во второй — «роды всяких чинов и крестьянские». Топонимический материал содержит названия и финские и славянские. Наименования волостей и сел, получивших названия по водным источникам, чаще финского происхождения, многие названия деревень — русские. Ср., с одной стороны, волости Киснема, Андога, Вадбал, Андопал, Пѣргумзь, села — Мѣгра, Мунга, Анбохта, Вогнема, с другой — деревни Замошье, Большой Двор, Конец и др. Из прозвищ: родъ Тимофея Долгихъ собакъ, родъ Ксении Луговые, родъ Иосифа Непеи.

Другой синодик Кирилло-Новозерского монастыря относится к XVIII—нач. XIX в. и состоит из 599 листов.

Как свидетельствуют материалы этого синодика, крестьянские имена в XVIII в. ограничивались двумя компонентами — личным именем и отчеством: род деревни Попова Григория Андреева, род села Вашки Михаила Никитина, род деревни Заднево Двора Андреа Леонтьева и др.

В собрание рукописных книг Кирилло-Новозерского монастыря входит вкладная книга того же монастыря (Р 361, кн. рук. 9, № 65). В ней записаны вклады, начиная с 1674 г. В книге, писанной разными почерками, 351 лист. В книге представлен широкий круг обозначений мастей домашних животных: даль вкладу. . . кобылу сѣру, коня гнѣда, кобылу солову, кобылу голубу, мерина каря (л. 28); жеребца бура, мерина в буре рыжа (л. 29); коня пѣга, мерина каря в гнѣде (л. 32); коня мухорта (л. 38); жеребенка сивожелѣза (л. 43); корову краснопеструю (л. 135); корову в буре красную (л. 146); корову чернопеструю (л. 140).

Интереснее, пожалуй, для историков, чем для лингвистов, книга, которая в описях музея именуется «Собрание материалов по г. Белозерску» (Р 511а, кн. рук. № 49). В начале книги помещена выпись из писцовых книг г. Белозерска за 1677 г. Вторую половину книги занимают росписи белозерских посадских людей, которые жертвуют Успенской церкви свои хоромы и дворовые места. Вот начало одной такой росписи от 1712 г.: поступил я Иван на Бѣлѣ озере на посаде в Георгиевском сороку в Георгиевской улице дворъ свой съ хоромнымъ строениемъ (л. 59).

Заслуживает более подробного рассмотрения «Книга о вотчинах Бестужева-Рюмина» (ф. кн. рук. 9, № 3). Написана она на 459 листах полууставом с элементами скорописи, в тексте проставлены ударения. Писалась книга в течение длительного времени — с 1678 по 1735 г. В книге дается описание 29 имений Бестужева-Рюмина в Белозерском, Владимирском, Галицком, Мединском, Московском, Пошехонском и других уездах. Подробно перечисляются владельцы крестьянских дворов, а также и их родственники, иногда с указанием возраста. Судя по данным книги, в селах и деревнях Белозерского уезда был развит кузнечный промысел. После перечисления состава крестьянских семей в д. Любец, Городище, Гавино и других сообщается, например, следующее:

промышляетъ уголь и молотомъ бьетъ (стр. 44), у Якова Селиверстова кузница своя онъ Яковъ кузнецъ середовой наемной, в той же кузнице другой горнъ кузнецъ сынъ ево Микифоръ куетъ мелочь (стр. 56). Описания такого рода насыщены терминологией кузнечного дела.

Интересна книга в ономастическом отношении. В ней представлена выпись из более раннего документа «Гроши старинные посаду Луковеси» (1630 г.). Сопоставление этого документа с материалами рукописи за 1730 г. позволяет обнаружить изменения, происшедшие в способах наименования крестьян. В документе 1630 г. имена крестьян состоят из двух, иногда — трех компонентов, причем обычно второй или третий не имеет отношения к календарным именам: Иван Усовъ, Иван Пятовъ, Леонтей Неспановъ, Григорей Баруздинъ, Иван Нифантьев снъ Дружининъ; Кузьма Савиновъ снъ Дерябовъ (стр. 65). В составе некоторых имен обнаруживаем местные прозвища: Иван Федоров Балай (стр. 65), Терешка Левонтьевъ прозвище Лезга, Тимошка Григорьевъ прозвище Чувиль, Томилко Александров прозвище Жмикрома (стр. 397). В материалах 1730 г. открываем иную картину. Как правило, имя состоит из двух компонентов, представленных календарными именами. Вот, например, список, где перечисляются «первой статьи крестьяня»: Микита Кузминъ, Микита Михайловъ, Кузма Савиновъ, Павелъ Макаровъ, Иван Григорьевъ, Петръ Федоровъ и др. (стр. 57). В перечне жителей сельца Красково Копорского уезда сообщается «о дворах русских и финских». Наряду с русскими именами Степан Ларионовъ (стр. 32), Михайло Даниловъ, Логинъ Матвѣевъ (стр. 328) и др. приводятся собственные имена, первые компоненты которых имеют нерусский облик: Еганъ Алексѣевъ (стр. 325), Рей Матвѣев (стр. 326), Тóмась Юрьевъ (стр. 325) и т. д.

Как было сказано, в книге описываются поместья Бестужева-Рюмина, расположенные в разных, часто отдаленных друг от друга уездах. С этим связано известное разнообразие терминологии, имевшей отношение к обложению: тягла пять пудковъ (стр. 347), тягла одна полоса (стр. 325), тягла три десятины (стр. 219—220).

Богато представлена микропонимия южной части Белозерья: покосы по урочищам а имянно Дуброва, Езавая, Пятая, Головная, Клинь, Мысоуха, Хамы, Чисти, Федосовъ, Изверть, Бычковы. . . Касти, Вѣретня

(стр. 61); сѣно коситца. . . на пустоше Рѣпище, на пустоши Прислоне, на пустоши Абрамове (стр. 315).

Любопытны не только для языковеда, но и для этнографа подробные описания жилых и хозяйственных строений конца XVII—нач. XVIII в.

Большую ценность, на наш взгляд, представляют столбцы Воскресенского Череповецкого монастыря. В силу разных исторических причин столбцы Череповецкого монастыря в наши дни оказались в фондах трех хранилищ — в Рукописном отделе ГПБ, в Отделе письменных источников ГИМ и в Череповецком краеведческом музее. В столбцах Рукописного отдела ГПБ (ф. 299) встречаем заемные письма. В Отделе письменных источников ГИМ (ф. 450) находим прежде всего росписи монастырского имущества. Меньше текстов иного содержания вроде «Дела Ивана Федорова с крестьянином д. Матенги Иваном Кузьминым, переставшим его учить портному мастерству», или «Челобитных и допросных речей по делу об оскорблении бранью попа вотчины Воскресенского монастыря».

В собрании столбцов Череповецкого музея около 150 единиц хранения. Наиболее ранний столбец — 1619 г., самые поздние относятся к тридцатым годам XVIII в. По месту написания эти столбцы делятся на несколько групп. Значительна группа грамот от царя и патриарших. Они касаются земельных споров, платежа ямских денег, взыскания пошлин и т. д. Ко второй группе относятся челобитные властей Череповецкого монастыря царю и московскому патриарху. Имеются также указы монастырской администрации. Укажем далее челобитные местных крестьян патриарху, к примеру жалобу крестьянина Михайлова (№ 39), датированную 1675 г., челобитную крестьян д. Малого Шубацкого (№ 81), составленную в 1698 г. В челобитных властям монастыря отражается повседневная жизнь населения Белозерья. Из этих текстов узнаем о земельном споре между крестьянами д. Паздерино и Большой Двор (№ 2), об оправдательной явке холопа Макарова (№ 17), о краже платья (№ 102), об имуществе одного из обитателей Белозерья (№ 62).

В составе данного собрания есть несколько документов, принадлежащих приписанным впоследствии к Воскресенскому монастырю пустыням — Воронинской и Выксинской: жалоба царю Алексею Михайловичу от строителя

Воронинской пустыни о воровстве наемного попа (№ 12), указ патриарха учинить розыск о непослушании братии Выксинского монастыря (№ 25) и т. д.

Все эти памятники деловой письменности хорошо сохранились, почти все датированы. Очевидна близость языка многих из этих источников к народно-разговорному. Несколько иллюстраций: обмочыла женишко моя Дашка в ручью Казимеръ платье и с ручья Казимера то платье пропало (№ 70); после петрова дни зъбежал отъ меня наемной казачекъ. . . и за темъ батрачкомъ язь сирота гонялся и тово детиньку наемново своево батрачка сусътичь не могъ (№ 21); въ лубовомъ коробу ступни новые . . . да голичиска старые. . . мѣшишко старое рядное (№ 62); и братья мои и сынъ мой ево Ивана Якимова били ли или нетъ того не знаю ни вѣдаю потому что я в то время былъ въ голбцѣ ходилъ по пиво и в то время в избѣ шумъ былъ (№ 59).

Разнообразен словарный состав столбцов. Отметим некоторые термины железного дела, развитого в то время в южном Белозерье: желѣзо прутяное (№ 56), желѣзо тянутое, желѣзо опарошное, немецкое бѣлое желѣзо, опока, полица, крица (№ 104), термины кузнечного дела: кузленица, мѣхъ, наковалне, молотъ, клещи (№ 104), гвоздѣ тесовое, гвоздѣ мелкое (№ 104). Из рыболовецкой лексики: бредник, бредничшко (№ 4), неводъ, матица неводная (№ 104), мережа (№ 56), битъ ѣзь (№ 33), рыбной садъ (№ 36). В текстах рассеяны элементы сельскохозяйственной лексики: нива (№ 5), пожня, подскотина (№ 51), поземъ (№ 108) и т. д. Зарегистрированы некоторые названия одежды: платье, кожанъ (№ 105), кафтан понитошной, шубникъ (№ 104), свитка, костоланъ (№ 70), кошуля (№ 96), сукмень, сарафанъ, сорока (№ 112). Встречаем такое характерное для северновеликорусской области образование, как *зобня берестяная* (№ 96).

Из глагольных образований следует отметить *спасать* в значении «благодарить» (№ 70).

Со старинным фразеологизмом имеем дело в таком случае: он Тимофеи его Петра предъ смертью простилъ и костью своею шевелити не велѣлъ (№ 97). Ср.: *костьми не шевели* незамай покойников. *Поминать старьем* — шевелить костями (Даль, Слов.).

Из фонетических особенностей привлекает внимание частая замена этимологического *ѣ* звуком *и*: из клити

(№ 39), Фадиева (№ 117), настриче (№ 23) и т. д. В ряде столбцов после ч последовательно пишется ы, что, по-видимому, свидетельствует о твердом произношении ч: осечыща, учынился, чысле, чынится (№ 102), обмочыла, рѣчы (№ 70), от паточыны (№ 79). В современных череповецких говорах подобного явления не обнаруживаем, в них и ц и ч совпадают в мягком ц: кошец'к'а, рец'и, ц'арской. Возможно, тексты с твердым ч были написаны выходцем из юго-западного Белозерья (Улома, Вочкома) или Устюжны, где твердое ч обычно.

Обратимся к отдельным морфологическим явлениям. В дательном и предложном падежах 3-го склонения выступает флексия -е или -ѣ: пишу. . . дхвную память в болезнѣ будучи при смерти целымъ умомъ своимъ. . . Тотъ весь хлеб. . . отдать дочери моеи (№ 112). В ряде случаев в родительном единственного в женском роде сохраняется старое окончание прилагательных -ые: пропали у меня у бедные. . . четыре новины (№ 71); с молодые ѣли на березу. . . а с покляпые ѣли на уголь (№ 32). Отметим далее одну из локальных местоименных форм: взявъ у ние то платьє к себѣ (№ 39). В современных белозерских говорах эта форма обыкновенна, но без начального носового согласного: видел у ие, сын у ие, это ие платок.

Обычны глагольные формы с суффиксами -ыва (-ива). Вот один из примеров: Сенка за нимъ попомъ с поленьемъ не ганивался и шипками в него не шибываль и пива у попадьи ево приходиль ко двору его не спрашиваль и в окна не шибываль и его попа Ивана и попадью его не браниваль (№ 122).

Дополнение, выраженное существительным женского рода на -а, выступает при инфинитиве в форме именительного падежа: ему. . . взять у можа моего корова (№ 112), сеять мука (№ 25).

Кроме столбцов, в фондах музея имеются и другие тексты делового содержания, например, налоговые расписки Шухтовской церкви (XVII—первая пол. XVIII в.). Приведем названия некоторых: отпись о получении в казну патриарха Иосифа дани за езь казенных платежных пошлин (№ 47), о получении дани за пустую землю в Шуховской волости (№ 24), повенечная память и роспись в получении повенечных денег (№ 52) и т. д.

Лингвистическое изучение рукописных богатств Череповецкого краеведческого музея представляется необходимым.